

МАЙДАНУТЫЕ

Недавно на радиостанции «Эхо Москвы» министр культуры Владимир Мединский и председатель Военно-исторического общества Михаил Мягков беседовали о Великой Отечественной войне с главным редактором журнала «Дилетант» Виталием Дымарским. Интересно и отрадно было наблюдать, как двое первых убедительно и достойно просвещали третьего, дилетанта, который только о том и мечтал, как бы язвительней уколоть, ущипнуть, оцарапать родную историю или хотя бы показать ей либо фигу, либо язык... Причем язык этот, лукавый, неряшливый, болтливый, метал фразы такого пошиба: «Советский Союз вступил (!) во Вторую мировую войну...». Можно, конечно, сказать: «Ваня вступил в клуб филателистов», «Петя вступил в комсомол» и т. п. Но тут... Какая деликатность в этом словечке по отношению к Гитлеру! Не жертвой его вероломной агрессии стала наша родина, а то ли сама по доброй воле вступила в войну, то ли ее пригласил вступить Гитлер: давайте, мол, повоюем, это интересно... И, оказывается, «вступила после (!) вторжения Германии». Ну это вообще смеху подобно! Может быть, все-таки сразу дала отпор, а не после? И словно у нас был выбор — «вступить» или не «вступить». Что здесь — глухота к русскому слову или сознательное манипулирование с целью исказить историческую правду? Пожалуй, второе, хотя у Дымарского немало и первого.

Ничего другого и нельзя было ждать от этого оратора, типичного представителя своего дилетантского сообщества. Поэтому меня очень удивил В. Мединский, сказавший

ему: «Виталий, вы профессионал!». То ли как журналист, то ли как историк.

А этот профи до сих пор, точно несправедливо забытый архитектор перестройки Александр Яковлев четверть века тому назад, потрясает секретными протоколами советско-германского договора 1939 года, как чем-то небывалым и позорным. Да ведь такие протоколы и статьи всегда были и будут. Можно вспомнить хотя бы тайный договор 1699 года царя Петра и польского короля Августа Второго о военном союзе против Швеции. Почему бы дилетантам не заняться поношением и этого договора?.. Это только большевики, взяв власть, были в таком ликующем благодущии, что прокляли тайную дипломатию, отменили смертную казнь да еще отпускали на волю под честное слово таких лютых своих ненавистников, как генерал Краснов.

А этот профи делает большие квадратные глаза: «Извините (он вежлив до посинения), подписывая с Германией пакт о ненападении, Советский Союз, извините, уже предполагал войну с ней?». Уж так, мол, некрасиво... Не предполагал, а был уверен, ибо Гитлер почти за двадцать лет до этого в своей «Майн кампф» объявил, что когда придет к власти, то главной его заботой будет «Drang nach Osten», напор на восток, т. е. завоевание русских земель. А для профи это новость! Видно, историк о помянутой книге и не слышал. И Мединский просвещает Митрофанушку: «Этот договор — внешнеполитическая победа Советского Союза!». Между прочим, именно как о великой победе писала о договоре даже правительственная «Российская газета».

Но профи Митрофанушка опять корит свою родину: Германские войска, мол, «вступили (!) в Польшу» всего лишь «с другой стороны», чем советские: одни с запада, другие с востока. Чисто географическое различие. То есть, как это принято у «пятой колонны», ставит нас и немцев на одну доску. И опять то же деликатное словечко, когда на самом деле немцы, разумеется, не «вступили», как, напри-

мер, в Австрию или Чехословакию, а вломились в Польшу, обрушились на нее, сея смерть и разрушение. Истребили 6 миллионов поляков и евреев, а мы за ее освобождение отдали 600 тысяч душ. Но, главное, оратор не желает принимать во внимание разницы в 17 дней сентября между «вступлением» вермахта и Красной Армии. А ведь за это время польское правительство успело в первую же неделю бежать из Варшавы в Люблин, а потом — в Румынию, бросив на растерзание народ страны, в том числе наших братьев украинцев и белорусов. С этого момента, напомнили подслеповатому историку его собеседники, согласно международному праву Польша как субъект международного права прекратила свой существование. И если бы мы не «вступили», то не только братья-славяне оказались бы под немецкой пятой, но и граница с немцами стала бы ближе на 200—300 км к нашим жизненным центрам. Ничего не счеет профи!

И снова скулит, какое, мол, безобразие: «Советские войска вступили в Польшу... советские войска вступили в прибалтийские республики... советские войска... Все замечательно, да?». Это у него ирония, он ухмыляется. Тут уж и Мединский не выдержал: «Вы все валите в одну кучу!». Действительно, в Польшу Красная Армия вошла после того, как ее правительство сбежало за границу и она как государство рухнула, вести переговоры было просто не с кем. И если после нападения Гитлера на нее Франция и Англия почти немедленно объявили войну Германии, то нам после 17 сентября никто даже не прислал ноту протеста. А в прибалтийских республиках наши войска оказались согласно зарегистрированным в Лиге наций договорам с их правительствами. Причем переговоры с ними велись отнюдь не в ультимативном духе. Об этом свидетельствует хотя бы то, что мы намеревались разместить в Эстонии 35 тысяч войск, но эстонцы хотели 15 тысяч, сошлись на 25; в Латвии мы планировали иметь 40 тысяч, сторговались на 30. Литва

сразу согласилась на 20 тысяч! Еще бы! Ведь мы возвращали ей от поляков древнюю столицу Вильнюс, среди жителей которых литовцы-то составляли лишь один процент.

* * *

Этот профи делает большие звездообразные глаза, обнаружив в учебнике истории данные о потерях во Второй мировой войне: Советский Союз — 27 миллионов своих сограждан, а «суммарные потери США и Англии составили менее одного миллиона». Профи не понимает, он возмущен, он негодует: «Зачем сравнивать? Зачем? С какой целью?». Ему мерещится, что мы своими потерями гордимся. Это какое же надо иметь устройство черепной коробки, чтобы в великом горе, неизбывной скорби, пронзительной боли увидеть гордость, чтобы додуматься до такого мозгового выверта. Но ведь, во-первых, сравнения в учебнике нет, вот, мол, больше, чем в 27 раз, а есть простая констатация. А во-вторых, так издавна принято. Например, 28 сентября 1708 года недалеко от Пропойска близ деревни Лесная произошло сражение между русскими, которых возглавлял царь Петр, и шведами, которые шли на соединение с Карлом XII, который уже был на Украине. Мы одержали тут первую и замечательную победу в Северной войне, Петр назвал ее «матерью Полтавской победы».

Я вспомнил именно об этом сражении, потому что во время войны весной 1944 года мне довелось побывать и в Пропойске (о котором у К. Симонова есть шуточные стихи), и под Лесной. В своем военном дневнике нашел запись от 15 мая 1944 года: «По пути с поста Кирпенки на пост Берковича побывал в Лесной. Осмотрел там церковь и памятник в честь победы Петра над шведами в 1708 году, «матери полтавской победы», как значится тут же на доске, установленной на каменном постаменте 28 сентября 1908 года. Церковь немцы превратили в сортир. Внутри стены вьет-

ся лестница. Я поднялся по ней на площадку. С нее далеко видно».

И вот сейчас заглянул в знаменитую «Историю России» С. М. Соловьева: «У русских под Лесной из 14 000 человек было побито 1111, ранено 2856; у шведов из 16 000 по русскому счету взято в плен 876 человек, на месте побитых тел перечтено 8000» (кн. VIII, с. 208). И это для профи новость! Знать, и не слышал он ни о Соловьеве, ни о Карамзине, ни о Ключевском... Раньше такие ораторы возмущались некоторыми публикациями о тех или иных сражениях, где не было данных о наших потерях, и порой они были правы. Но вот данные приведены, но у них и от этого с души воротит, их и это возмущает. Всегда во всем они находят ужасную несправедливость. Ну что с ними делать, как им потрафить? А не лучше ли просто начхать?

Тем более что для полноты картины хотя бы той же мировой трагедии иногда полезно кое-что и сопоставить. Например, нашу землю фашистский сапог, хлюпая в крови, топтал три с лишним года, а земли Англии и США он и не коснулся. Или: на нашей земле ожесточение борьбы доходило до того, что более тридцати городов по нескольку раз переходили из рук в руки, а в Польше, Франции, Бельгии и других захваченных немцами странах не было ни одного случая такой борьбы, ни единого города.

А Дымарскому хочется, чтобы нашим детям рисовали примерно такую картину: ну была война, все, мол, сражались, ну были, конечно, потери, но — все герои, ну все молодцы... В. Мединский хорошо проветрил черепную коробку мыслителя: «Приведенные цифры говорят о том, что мы вынесли основную тяжесть войны. Война и победа для нас и для англичан с американцами имеют совершенно разную цену. Поэтому мы относимся к войне по-разному, поэтому мера ранимости при обсуждении любого вопроса ее истории абсолютно разная и степень восприимчивости народом этой темы у нас по болезненности несопостави-

мы ни с Англией, ни с Данией». И разумеется, с Америкой. То есть Мединский не проветрил, конечно, коробку мудреца, это невозможно — что еще за «ранимость» какая-то? — а только вдунул туда, в коробку-то, важную справедливую мысль. Но разве она там приживется...

* * *

Для подкрепления своей жажды истины и справедливости наш профи тут же обратился к именам Солженицына и Виктора Астафьева, как к великим и честным знакам истории войны, ее участникам и свидетелям. Ведь они, говорит, прошли «всю войну»! Я, дескать, об этом читал. Да, прочитать можно и о том, что они были добровольцами. Приходится огорчить одноглазого читателя. По Указу Верховного Совета о мобилизации и по возрасту Солженицын должен бы надеть шинель в первый день войны, а он с молодой женой из Ростова укатил в Морозовск, который еще дальше от фронта, и там преподавал в школе астрономию. Увлекательная и приятная наука! Смотришь часами на небо и не видишь, что творится на земле... И в армии астроном почему-то оказался лишь во второй половине октября на ответственной должности конюха. Потом загадочным образом оказался в офицерском училище, и на фронт со складным письменным столом для писания романов будущий писатель прибыл лишь в мае 1943 года. Астафьева взяли в армию в конце 42-го. Самую страшную пору войны оба не видели, не знали. Да еще надо вспомнить три последних ожесточенных месяца войны, на которые Солженицыну удалось сократить свою военную биографию с помощью ловкой передислокации в московские Бутырки. И это не помешало бы Дымарскому прочитать у него: «не уходя с передовой, воевал четыре года». Вся-то война была меньше четырех лет, но у него свой счет.

Но этот профи продолжает млеть: «А как Астафьев оценивал, как называл вообще Жукова, Сталина...». Да называть-то можно, как вздумается. Но кто он и кто Сталин, Жуков? И называл он их, как и принято у всех злобных и невежественных в военном отношении антисоветчиков. Но смешно же защищать генералиссимуса и маршала от бредовых выходок ротного телефониста. Он и Шолохова злобно ненавидел. По воспоминаниям поэта Бориса Куликова, Астафьев однажды заявил: «День смерти Шолохова будет счастливейшим днем моей жизни». Его собственная смерть, как и смерть Солженицына, никого не осчастливила. Они соревновались в ненависти и к Сталину, и к Жукову, и к Шолохову.

Но вот что, между прочим, Астафьев сказал на известной конференции историков и военных писателей 28 апреля 1988 года в минуту просветления: «Я прослушал здесь уже несколько выступлений. В них все время, как сейчас в газетах, звучит одно и то же имя: Сталин... Сталин... Сталин... Сталин...». Он имел в виду, что Сталина обвиняли во всех наших неудачах в войне. И продолжал: «Я думаю, что не все так просто и ordinarily, как это сейчас преподносится. Используется очередной громоотвод в нашей истории, чтобы свалить на эту личность все наши беды и таким образом, может быть, проскочить какой-то очень сложный для нас отрезок, а может, удастся и самим чище выглядеть».

Мысль вполне здравая, именно поэтому некоторые газеты, напечатавшие выступление Астафьева, эти строки вычеркнули. Так поступила, например, «Советская культура» в номере за 5 мая. Главным редактором тогда там был цэковский абориген Альберт Беляев, замзав Отдела пропаганды.

«Виктор Петрович считал, — продолжает профи Дымарский, — что мы воевали числом, а не умением, что закидали немцев трупами. Можно не соглашаться с этим, но

из каких уст мы это слышали!». Из каких? Повторю: из уст лжеца, приспособленца и невежды. Военно-историческая дремучесть обоих корифеев, право, даже загадочна. Я уж не говорю о том, что сахарные уста старшего из них порой извергали, например, такое по адресу соотечественников: «Подождите, будет на вас Трумэн с атомной бомбой!» («Архипелаг». М. 1989. Т. 3, с. 51. Вдова покойного бомбиста этот пассаж сейчас при переиздании, разумеется, выкинула). У нас-то бомбы тогда еще не было. А младший покойник даже не умел читать военную карту, был тупо уверен, что каждая стрелка на ней означает не что иное, а именно армию, т. е. воинское соединение в составе нескольких дивизий, тогда как на самом деле стрелка означает положение — наступление, отступление, оборона — полка, дивизии, корпуса, армии или всего фронта.

И что ж еще мы слышали их «таких уст»? В советское время, в ноябре 1985-го, со страниц «Правды», главной газеты страны, эти уста, тогда медовые, сладко пели: «Мы достойно вели себя на войне... Мы и весь наш многострадальный героический народ на века, на все будущие времена прославивший себя трудом и ратным подвигом» (Правда. 25 ноября 1985). И даже уверял, что соотношение потерь было 1 к 10 в нашу пользу, что, конечно, было холуйским враньем. А 28 апреля 1988 года, на четвертом году горбачевщины, на совещании по истории войны те же медовые уста, вдруг став горчичными, начали вещать вот про эти трупы, о которых четверть века не может забыть Дымарский. Да еще напомнили, что соотношение потерь то было 1 к 10, но не в нашу пользу, а в пользу немцев. Эта великая новость, как уже сказано, тотчас была напечатана во всех демократских или уже деморализованных газетах — в «Литературке» Ф. Бурлацкого, в «Советской культуре» А. Беляева, в «Московских новостях» Л. Карпинского, в «Вопросах литературы» Л. Шинделя, в «Вопросах истории» и т. д. Усердие не осталось незамеченным: от Гор-

бачева Астафьев получил Золотую Звезду Героя, а от Ельцина — президентскую пенсию, множество премий и собрание сочинений в 15 томах. Неужели и теперь наш читатель-профи не согласится, что и медовые уста, и горчичные были устами лжеца?

Когда зашла речь о «цене победы», Мединский сказал: «28 миллионов — большая цена. А если было бы 50...». Дымарский воскликнул: «Зачем такие ужасы!». Мил человек, да ведь именно такие ужасы, эти самые извергали столь дорогие для вас уста Солженицына и Астафьева, такие и даже страшней. Чего ж вы тогда молчали? И собеседники разъяснили дилетанту: в отличие от войны 1812 года, на которую он тоже охотно ссылается, в войне 1941—1945 годов агрессор стремился не победить нас, а уничтожить. Поверил ли этому профи, неизвестно.

* * *

Действуя нахрапом, Дымарский полностью пренебрегает всяким правдоподобием того, что изрекает, и не может сообразить, в какой луже то и дело оказывается. Например: «Что касается Мюнхена, то Запад его осудил, там его денонсировали». В. Мягков в недоумении: «Как они могли его денонсировать?». Действительно, как, когда, каким образом? В 1938 году в Мюнхене за спиной самой Чехословакии и Советского Союза, имевшего с ней договор о взаимной помощи, Гитлер и ответственные представители Англии и Франции договорились о расчленении Чехословакии, и этот договор был выполнен: Германия отхватила Судетскую область, а вскоре оккупировала всю страну. Но в 1945 году Красная Армия освободила Чехословакию, страна вновь обрела целостность и независимость. Что же теперь денонсировать? Это не Запад, а мы, уничтожая и вышвыривая оккупантов из Чехословакии, силой оружия «денонсировали» Мюнхен. И что же Дымарский ответил Мяг-

кову? Буквально: «Были сделаны некие шаги». Когда? Кем? Какие шаги? Молчание пустозвона... По-моему, он порой употребляет слова, не зная их смысла.

Не удалось с тем, подлинным Мюнхеном, тогда он пытается повернуть свой мини-Мюнхен и ласковым голосом Даладье предлагает: «Давайте признаем все-таки, что 41 год был катастрофой». Мединский твердо и решительно: «Нет!». Действительно, первые же недели войны были катастрофой для Польши, Франции и других жертв агрессии: они были разбиты, государства рухнули. Ничего подобного не произошло у нас, хотя мы и терпели крупные поражения. Немцы рассчитывали в кратчайший срок захватить Москву, Ленинград и Киев. В июле не удалось еще ничего, осенью захватят только Киев. И война-то лишь начиналась...

А еще профи очень хотел бы знать, что делал Советский Союз последние два года перед войной для укрепления обороны. Ну почитал хотя бы воспоминания маршала Жукова, там об этом подробно сказано. И вот ему разъясняют, разжевывают, втемяшивают... В частности, Мягков говорит, что в 1939 году наша армия имела чуть больше одного миллиона штыков, а на 22 июня — около 5 миллионов. Профи тут как тут с подковыркой: «И что от них осталось в конце 41-го?». Смысл вопроса в том, конечно, что, мол, ничего не осталось. Ну если так, то что же мешало немцам захватить Москву и Ленинград — их главные цели? А то, что на самом деле и «осталось», и прибавилось столько, что хватило сил и отстоять эти города и вскоре погнать их от Москвы, от Тихвина, от Ростова-на-Дону. Он все это впервые слышит...

И вот такой мыслитель возглавляет большой, роскошный журнал. Можно долго еще любоваться эверестами познаний этого мыслителя и марианскими впадинами его интеллекта, но надо упомянуть и о его журнале, выходящем под старинным гордым девизом «Я знаю, что я ничего не знаю».

С обложки номера, на которой первым объявлен материал о капитуляции Германии в мае 1945 года, на читателя смотрит... Вы думаете, маршал Жуков и другие победители? Тогда вы ничего не поняли из того, что сказано выше. На нас смотрит портрет во всю обложку едва ли известного вам в лицо человека, а под ним крупно: «МАЗЕПА. ИЗМЕНА?». Это первый заголовок. Вот второй: «Трудный выбор Ивана Мазепы». Это моднейшее у них словцо — выбор. Нет на свете ни измен, ни предательства, ни трусости, ни обмана, ни воровства, а есть только выбор. Например: перед персонажем какой-то их публикации, попавшим в плен, встал выбор — поступить как генерал Власов, переметнувшийся к немцам, или как генерал Карбышев, оставшийся верным родине и присяге? Он сделал власовский выбор. Всего лишь выбор...

У иных наших патриотических газет, кажется, вовсе нет никакого защитного иммунитета хотя бы только словесного: что слышат по телевидению или читают в демократских газетах, то волокут на свои страницы. Вот, скажем, в Америке нередко случаются дикие факты расстрела кем-то из военнослужащих — своих сослуживцев или учеником — своих одноклассников. И этих чудовищных убийц там по почину какого-то идиота стали именовать невинным словом «стрелок»: чикагский стрелок, бродвейский стрелок и т. п. Докатались такие трагические факты уже и до нас — в Москве, а Сахалине, еще где-то. И вот «Советская Россия» пишет: «сахалинский стрелок»... Еще хорошо, что не вспомнила Вебера с его «Волшебным стрелком». Другой пример: бутылку с зажигательной смесью какой-то псих назвал «коктейлем Молотова». И пошло гулять. И дошло даже до нашего президента. Да спросил бы себя хоть кто-нибудь: при чем здесь Вячеслав Михайлович? В той же «Советской

России» читаем: «Мы, журналисты, должны уважать любой человеческий выбор». И не соображает автор, что после этого он должен уважать и Власова, и Горбачева, и Евтушенку, в трудный час родины удравшего за океан...

Я долго не мог найти имя автора статьи в журнале: так мелко, бисерно напечатали его на темном фоне, словно хотели спрятать, но все-таки разыскал — Татьяна Таирова-Яковлева. Она дает как бы эпиграф: «Иван Мазепа перешел на сторону шведов. Многие до сих пор именуют этот поступок изменой». Сразу дается понять: какая темнота эти «многие». И дальше следуют 20 красочно иллюстрированных портретами Мазепы страниц, убеждающих, что никакой измены не было, а был просто деловой выбор. А начинается статья так: «Если вырвать события из контекста, из любого человека можно сделать монстра, а любой поступок представить как чудовищный». И тут же наготове примерчик: «Петр Первый убил своего родного сына царевича Алексея... Словом, детоубийца, тиран». Не совсем так, мадам.

Да, Петр, как известно, деликатностью и чувствительностью не отличался, но все-таки родного сына не убивал. Это вы, видимо, вспомнили картину Репина «Иван Грозный убивает своего сына» или гоголевского Тараса Бульбу, действительно убившего сына-изменника Андрия. А с царевичем Алексеем дело сложнее. «Отец с сыном, — пишет современный историк, — разошлись в самом важном вопросе — о будущем страны. Петр смотрел далеко вперед, Алексей — в прошлое. Но он был не одинок: за ним шли духовенство, родовитые вельможи, часть простого народа». На него возлагали надежды тайные противники петровских реформ, но царевич был очень нерешителен, робок и осенью 1717 года в момент, показавшийся ему опасным, бежал из России в Австрию, а потом в Италию, в Неаполь. Подумать только: смылся за бугор наследник престола! Когда осталась в Америке Светлана Аллилуева, все-

го лишь дочь покойного вождя, которой никакой трон впереди не светил, и то какой звон был на весь белый свет, а тут — наследник империи!.. За ним явились в Неаполь суровые посланцы Петра, передали ему письмо отца и угрозами, угрозами заставили Алексея вернуться. 3 февраля в Москве, в Кремлевском дворце собралась вся российская знать. Царь обвинил сына в измене, но обещал прощение на двух условиях: если он отречется от своего права наследования престола и назовет тех своих единомышленников, кто подбил его удрать за границу. Упав на колени и стеная, Алексей беспрекословно выполнил оба условия.

Но в марте была допрошена возлюбленная царевича Ефросинья, на которой он хотел жениться, и она дала много новых сведений, которые, с одной стороны, уличали Алексея в неполноте признания, в неискренности, а с другой, рисовали картину гораздо более широкой вражды к реформам Петра. Разумеется, это и сильно встревожило царя, и вызвало новую волну неприязни к сыну. Но он не хотел решать его судьбу единолично, а 24 июня 1718 года теперь уже в Петербурге вновь собрал некий синклит из 127 своих министров, высокопоставленных чиновников, вельмож и предложил решить дело им. А царевич находился в Петропавловской крепости. Синклит признал его виновным и приговорил к битью палками. В первый день — 25 ударов, во второй — 15... 26 июня он умер. Тут в крепости его и похоронили, как потом хоронили всех августейших особ. Он, кажется, стал первым. Царь и царица присутствовали на похоронах, как в свое время и Грозный на похоронах своего сына. Вот такая страшная история.

* * *

Если автор статьи считает, что Петр чуть ли не собственноручно убил сына, то спрашивается, с какой целью, зачем? У нее и тут ответ отскакивает от зубов: «Чтобы обес-

печить трон своему ребенку от женщины легкого поведения и весьма темного происхождения». Я не знаю, сколь светлого происхождения сама мадам Таирова-Яковлева. Могу лишь предположить, что она в каком-то родстве с известным руководителем Камерного театра Александром Яковлевичем Таириным (1885—1950), прославившимся в свое время глумливой постановкой «Богатыри» на текст Д. Бедного и под издевательски приспособленную музыку «Богатырской симфонии» Бородина. Спектакль посмотрел В. М. Молотов. И Бедного за сей шедевр русофобии тогда исключили из партии. Это первый случай применения «коктейля Молотова». А Таиринов был беспартийным, и на его долю выпала лишь эпиграмма, ходившая по Москве:

О Господи, прости Таиринова!
Ведь он вконец проституирован.

В то же время можно предположить родство журналистки и с «архитектором перестройки» А. Н. Яковлевым (1923—2007), другом Горбачева, американским «агентом влияния». Впрочем, все это не столь существенно.

Гораздо важнее довести до сведения Таировой-Яковлевой, что презрительно упомянутая ею Екатерина была не просто «женщина», а жена Петра, императрица. Столь же презрительно заявляя о ее «темном происхождении», следовало бы сказать, что именно в нем темного и почему эта «темнота» уж так не смущала Петра, что царь и женился на ней и сделал ее императрицей. Как все разумные люди, царь, в отличие от Таировой-Яковлевой, не придавал значения происхождению. А оно, между прочим, было вполне достойным: родилась в трудовой семье, ее мать была молочницей... Между прочим, Великая Отечественная война дает на сей счет весьма наглядный урок. Наши военачальники почти сплошь сыновья рабочих и крестьян: Верховный Главнокомандующий — сын сапожника, его замес-

титель Жуков — сын кожевника, начальник Генерального штаба Василевский — сын сельского священника, маршал Рокоссовский — сын паровозного машиниста и т. д. А у немцев — один к одному потомственные военные да еще «фоны». И каков итог? Даже Геббельс незадолго до краха признал превосходство нашего генералитета, и сам Гитлер с ним согласился.

Назвав Екатерину еще и «женщиной легкого поведения», мадам совершила именно то, против чего сама негодует — вырвала живого человека из контекста времени. По причине своей женской и просто человеческой привлекательности, живости ума, доброго нрава Екатерина чрезвычайно влекла к себе многих. И как она, простушка, могла противиться в те времена? Тем паче что каждый раз очаровывала все более высокопоставленных лиц — фельдмаршала Шереметьева — царского любимца Меншикова — наконец, самого царя. Разве мог Шереметьев не подчиниться воле Меншикова, а тот — царю? Да, Петр был ее третьим или четвертым фактическим мужем. Но вот в наши дни известная Ирина Хакамада сама рассказывает, что она замужем четвертый или пятый раз и пылко любит своего пятого или шестого мужа. Вы с Дымарским решитесь объявить ее женщиной легкого поведения? Не посмеете. Она всем членам редколлегии вашего журнала бросит в окно дохлую кошку. Да, побоитесь. А вот в толще веков вы копаетесь, обличаете, верещите.

Наконец, известно ли вам, что после смерти Петра на троне-то мы видим не его сына от «женщины легкого поведения», как, мол, он рассчитывал, а саму эту женщину. Но через два года она умерла. И кто же теперь на троне? Опять не ее дитя от Петра, а сын покойного царевича Алексея — Петр Второй. Так что все ваши хитроумные догадки и фантазии — чушь на пригорелом постном масле.

Но вы отчасти правы, что порой можно любого человека представить монстром, и в нынешнюю пору мы час-